

ВСТРЕЧИ

1. ТИФЛИС

Гостиница называлась «Палас» и была недавно отстроена на тогдашнем Головинском проспекте. Я постучал мне ответили. Маяковский оглядел меня искоса. Он обирался уходить и расхаживал в зале по номеру. Бархатный, черный жилет, расшитый красными цветами. Что я сказал — не помню, но, примерно, это излагалось так. Я сообщил, что читаю футуристов и знаю стихи Маяковского. Что его поэзия меня заинтересовала, что я пишу стихи сам. Не замечая моего присутствия, он подошел к умывальнику и усердно растирая водой крепкие красноватые руки, сказал:

— Читайте стихи.
Я послушно начал читать.
Маяковский заключил умывание.
— Подождите, — прервал он меня.
Закрыл дверь в собеседную комнату, окна в окна Бурлюка.

Доля, или, посудиной. Стихи хе-

рологи манеры чтения.

Читает стихи Маяковский одинаково. Стихи были слабым подражанием его собственным темам. Читал же и жестоко нараспашь, и впоследствии сам Маяковский выкозачивал не эти фокусы.

Инд Бурлюк протянул мне ружу, кий и обворожительный. Он был в малиновом тканом сюртуке с лентами перламутровыми пуговицами. Он прикладывал к окружному, сильно напудренному лицу маленький ламский лорнет. Русый Василий Каменский вымылся проще товарища. Поверх обмытого штапельского костюма его плечи обиты черными бархатными пальцами с серебряными изумрудами.

— Я беру стихи в журнал футуристов, — разозл распорядился Маяковский.

Впрочем, стихи не увидели света, так как война прекратила журналы.

Маяковский был весь переполнен движением. Бесская жизненная сила передавалась в его высоком и тонком теле. Руки крепко прикасались к вещам, словно щупали их все и материал. Несколько уловятые же были выразительны и рельефны. Он не премирался в собеседниках и обстановке, оставался самим собой до конца.

Бурлюк сразу же пустился теоретизировать. («У меня на все свою теорию» — вспомнили признавалась он мне).

Он спрашивал:

— Читаете ли вы французских поэтов? Надо читать французов для овладения звучностью.

Желтая кофта налетела. Поверх нее Маяковского завернулся в вульгарный рояль, изан с маленькими выступами анальгина. Бместо феоски настало изображение флегматичной широкой пачки.

...столы готовились к очередному походу по улицам. Надо забодузнуть людей, предстоит выступление.

— Волотечка, нарисуй мне сабат.

Маяковский соорудительно вывел примирительным карандашом неопределенного зверя на мякоть пеке Бурлюка. Бурлюк сам пустил вслед машины витавшей стрелку.

Мы спустились на Голосовский проспект. Цель полон тела и сознания. Людные тифлисские улицы колыхались от толпы и скоплений. Футуристы проникались серьезно, словно совершая важную работу. Лицо Бурлюка окаменело от величества. Высоко закинутая голова Маяковского. Тогда расступалась перед ними, не зная, как обращаться с подобным проношествием. Люди отходили в сторону, опасаясь прикоснуться к профессии. И потом смотрели в синий идилический и смелись осмысливать явление.

— Это американцы? Правда? Это американцы приехали? — подождали мы гимназист, увидев, что я простился с поэтами.

★

Занавес, громко шумя, дешевую в колониях. Футуристы сидели за столом. Бурлюк вытерся паузу. Потом он приподнял со стола огромный, неизвестно где добытый колпак и, отвесив зал его церковным звоном, предоставил Маяковскому свое.

Маяковский швырнул феоску на стол и, не расправив сбившихся, колхозничных волос, вскрылся из пленетром. Он говорил, раскачивая всем телом.

— Милостивые государыни и милостивые государы. Вы принцы сюда рямы. Окна спалата. Предупреждаю: скандалы не будет.

Его рука придавила пынтар, том-кам и мала его.

Содержание его слов изложено в соответствующих машинах и его нет нужды воспроизвести! Потом Маяковский представил публике поэтов-футуристов: Каменского, Хлебникову, Бурлюку, Северянину, с которым тогда был недолгий союз. Его речь опиралась на образность, на меткие, неожиданные слова. И все-таки, изложенная на бумаге, она утрачивала большую энергию. Но сейчас ее поднимал голос — горячий, насыщенный, монитный.

Голос принимался без возражений, и даже смешки ряды были редки. Даже самые враждебно настроенные и разнодумные подчинились этой играющей звуками волне. Особенно когда речь Маяковского, сама по себе ритмичная, естественно переходила в стихи.

Он поднимал перед аудиторией стихотворные образы, знакомые слушателям с новой позицией. То торжественно, то прогательно, то широко расхаживая словами, то сплющивая их в твердые формы и узары или же в залу, произносил он стихотворные фразы. Он двигался вынужденно ритмом, плавно и просторно намечая его границы понижением и сокращением голоса. И, вдруг отрасывая напевность, подавал строи разговорными интонациями.

Полностью печатается в «Литера-

турном современнике», № 3.

Несобранные стихи

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОЛПРЕД

Литературное наследство Владимира Маяковского полностью еще не собрано. Десятитомное, начатое еще при жизни поэта и законченное в 1933 г., собрание его сочинений отнюдь не включает в себя «всех стихов его партийных книжек». В него не вошли многое произведения, печатавшиеся в свое время в нашей периодической прессе — на страницах столичных и провинциальных газет и журналов, начиная от «Правды», «Известий», «Комсомольской правды» до фабрично-заводских газет и листков, от таких журналов, как «Новый мир», «Красная новь», «Октябрь» и кончая такими, как «Даль», «Гайдо-сунда». Их особенно обращают на себя внимание по «метности» приема: «Стихи о Фоме» («Бородка», 1928 г. № 39). «Протест» — «Красный поэт» 1924 г. № 3, «Хулиган» — в выходившем в 1926 г. литературном приложении к газете «Работник Москва» — «За 7 дней». Там же напечатано было еще несколько поэзии перенесенных произведений («Продолжение прогулок на улицы в переулок», «Стихи эти в картинах вот про стрелочников и кесарильский завод») и стихотворение «Лев Толстой и Ваня Дыденев» (собр. соч. т. V).

Сообщения Л. ПОЛЯКИ и РЕФОРМАТСКОЙ.

ГАЗЕТНЫЙ ДЕНЬ

Рабочий

утром
глазает в газету.

Думает:

«Нам бы работники эту!
Дело тихое и поту чище.

Не то что по кузинам отмахивать ручине.

Сиди себе в редакции в беленькой сорочке —
и гони строчки.

Нагнал,

расставши земляне да течине,
подписалася.

Подпись запечатана заморочку,
и готово:

Строчки растут как цветочки.
Руки в брючиках,

в стол руки,
получил построчные, —

и, ленивойной
и склоняясь над пружиной, —

думаю.

В искоренение враждебного убеждения
вынужден описать газетный день я.

Как будто
весь народ,
который

но поместился под башню Сух азру,

пришел торжествовать в редакционные коридоры.

Тычи.

Все дух руэт.

«Где обыватель?»

Потеряла собачку я!»

Голосит девочка, смежами почкала,

«Караул!»

Отчаянны волни прорвали.

«Миллиард?

С покойничкой?

За строку конопрят?

Звяжилотел.

На глаза — жиже.

Каждому сут какое-то опровержение.

Кто-то крестится.

Клинился крещеным лбом.

«Это я настоящий Бим-Бом!»

Все стены установлены какими-то дядьками.

Стоят картиныами по стекам голым.

Это «сначинование».

Помаховая стягами,

по дороге к родактору стоит частоколом.

Из

Редактор вспыхивает берником:

В яс с «кузбрю»

и «бранка».

как же пристали,

умченный выездом парным, —

паром вздымается испарина.

Через минуту

из кабинета редакторского рев:

то ручкой по папке,

то по столу бац яю.

Это редактор,

собрав бухгалтеров,

потеет над самоукраинцем.

У редактора и передовице пожигает сердце.

Забудь!

Про сандъ изычнишкой треплет.

У редактора —

ав волос выпазит от коммерции,

лепечет редактор про «кредит и дебет».

Пока редактор захвожен есть —

раз с телефон врывается лаем.

Это ставку учтевает Мострест

И еще грозится:

«Удеситеро в мае».

Наконец, освободился.

Минуточек лишка...

Врывается начинаяющий.

Попробуй — выться!

«Прочтите немедля!

Замечательная статьшина,

а в статыше —

листов триста!

ПРОТЕСТУЮ!

Я ненавижу

человечье устройство,

ненавижу организацию,

вид

и рост его.

На что похожи

руки неши?

Разве так

машина уважаемая

машет?

Представьте,

если б

шурупов шатия

чуть что

лезва в рукожатии.

Я вот

хому

весел и высок,

Прострелят

и конец —

не вставши висок.

Не завидую

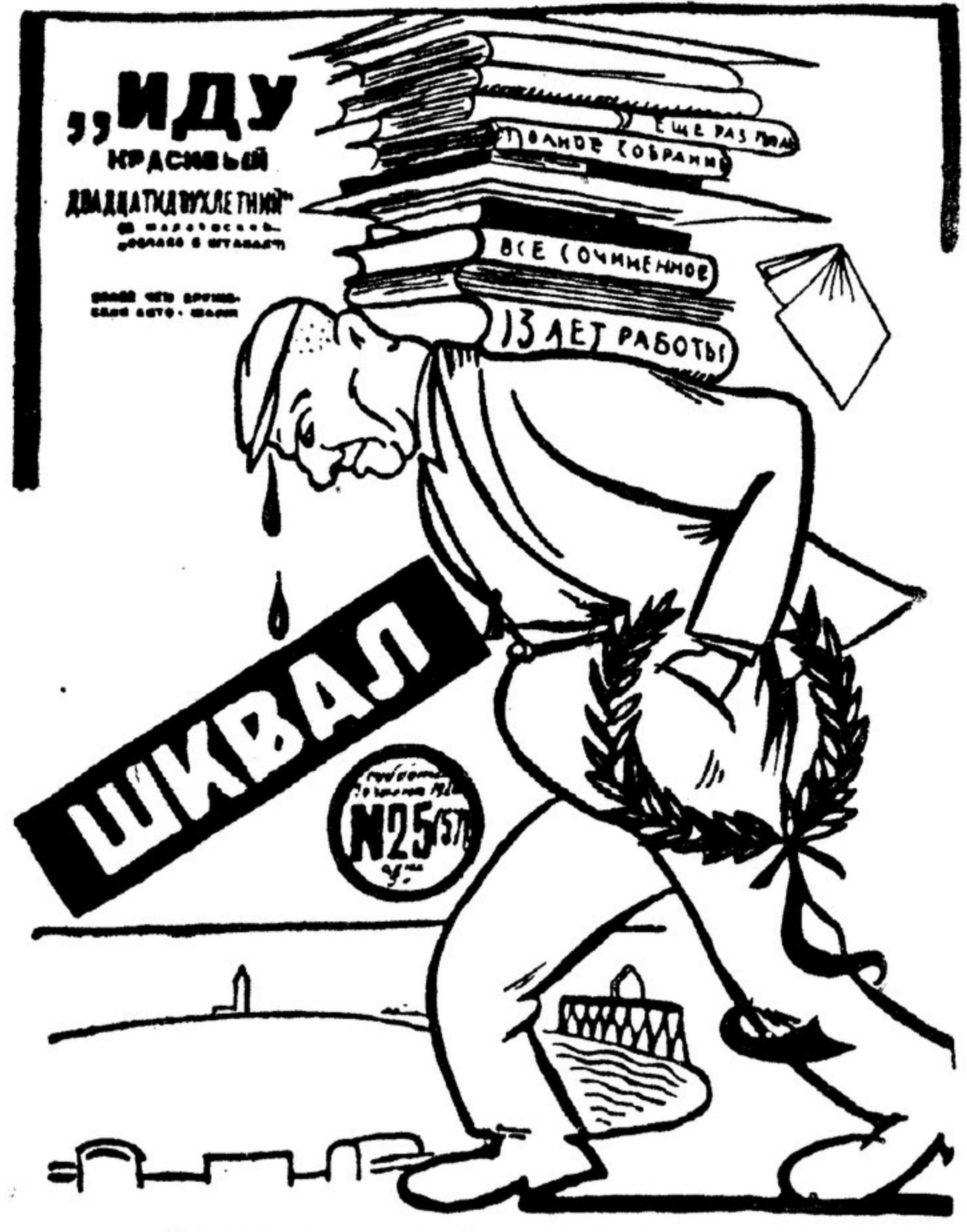
ни Пушкину,

ни Шекспиру Бимине.

Завидую

только блондинированному автомобилю.

АВТОПОРТРЕТ МАЯКОВСКОГО

В 1926 году Маяковский и я вместе выступали в Одессе. Приехав в Одессу, мы отправились в редакцию журнала «Шквал», где Маяковский договорился о материале для журнала. На улице Маяковский спросил: — Семя, вы одесский абориген, вы наверное лучше меня знаете, где прятают всяческую тушь.

Накупивши бумаги, туши, карандаши, мы возвратились в гостиницу. Почти не пользуясь резинкой, мы нацарапали контуры рисунка. Я вспоминаю булевской силанки с тушью. Через полчаса, свернув трубкой лист, он шагал в редакцию.

С. КИРСАНОВ.

ДИАЛОГ БЕЗ СОБЕСЕДНИКА

Вот тебе пример: «Новую книгу издали — только пешком через написанное».

Так предварил книгу «Все», изданную в 1919 г., Владимир Маяковский.

Если ты хочешь понять, что такое новаторство, посмотри, как дополнялась и переначивалась его поэтическая система.

Он каждый раз подводил итоги и откладывал в сторону прежние, чтобы еще раз начать по-новому.

Когда его спрашивали: «Маяковский, какое свое стихотворение вы считаете лучшим?» — он отвечал: «Написанное завтра».

Ты взмыл и смычи — систему рифмы в «Войне и мире», в «150.000.000»; и в парижских и американских стихах, в «Хорошо».

В первых вещах преимущественно составные, из двух, трех, четырех строк. «Вот еще в ней — чудовищной, «одальке надымяль — легендами».

В последующих вещах Маяковский отказывается от составных риффов и предлагает еще более сложные — комплексные, где слово целиком консонирует с другим. «Беглья — непры, «жаждущи — раскрыжены».

Дальше он приходит к полирифмующейся строке. Рифма перестает быть позиционным привесом.

Это не только в рифмах. Ты читал, как в дни Октября Маяковского пригласили выступить у матросов. «Не могу же я и их читать дореволюционные стихи! — и слагается: «Левый марш» — весь на новых интонациях, на новом ритме, в новой, раньше не использованной Маяковским композиции.

Нет, это не прав. Тебя уговорил Стендхайм.

Акменты — старые и новые — утверждают, что Маяковский не разрабатывал проблем композиций.

Да, он не разрабатывал старых форм композиций. Но в поэме «Хорошо» он впервые дал образец симфонического построения.

Наисовременнейшее из искусств — может позавидовать монтажным приемам этой поэмы.

Маяковский противопоставил примитивному методу надстраивания вещь — метод сборки.

Стихи Маяковского — не кубики строф, рефренов и куплетов, поставленные один на другой, сложнейшие механизмы, где микронная точность пригонки взаимодействия движущихся деталей есть новое качество композиции.

Ты еще помнишь, что разговорчики о «композиционных слабостях» Маяковского — только упрощение на устарелых балладно-песенствовательных и мадrigально-лирических построениях.

От кого эти наставления? И вовсе не стремление иметь собственный голос.

Но вовсе не его, возникло из постоянной, настойчивой необходимости найти новое средство выражения для новой общественной, поэтической задачи.

Понятно, что тем, которые этих новых за себя не ставили, не очень нужны новые формы.

Перед Маяковским же «встала огромная и новая задача — участие в строительстве новых общественных отношений».

А ты хорошо знаешь, из скольких задач и задачи состоят это строительство.

Тут нельзя ограничиться однажды найденной формой, «собственным голосом», как советует тебе в кругах руководителей из лекционного бюро.

Тут надо каждый раз вторгаться в неизученные, забытые и уединенные жанры и изобретать новые.

Хотя поговаривается, я считаю достаточно, что поляна «снящий» жанр шарды (в своей последней поэме) на поэтическую высоту.

Маяковский не стеснялся и вырывал из рук кустарей-одиночек и налево на концептуальные и рекламные стихи.

Он унес чертежи своего открытия в смерть.

Но разве мы не обязаны разглядеть и написать написанное?

СЕМЕН КИРСАНОВ

Несобранные стихи

стихи о фоме

Мы строим коммуну,
и жизнь
сама
трубят
наступающей эре,
но между нами
ходит
Фома,
и он
ни во что не верит.
Настав
ему
достижений любых
на каждый
вкус
и вид, —
он лишь
тебе
половину губы
на достижения
скривит.
Идем
на завод
отстроенный мы.
Смирись
перед лицом
факта.
Но скептик
смотрит
глазами Фомы:
— Нет, что-то
не верится как-то —
Покажешь
фомам
вознесенный дом

и ткнешь их
и в окна
и в двери.
Ничем
не расцветятся
лица у фом.
Взглянут
и вздохнут —
сне верим.
Послушайте,
вы,
товарищ Фома!
У вас
повадка
плохая.
Не надо
очень
большого ума,
чтоб все
отвергать
и хаять.
И толк
от похвал,
разумеется, мал.
Но слушай,
фомина шатия:
уж мы
обойдемся
без ваших похвал —
вы только
труду не мешайте.

ХУЛИГАН

Ливень докладов.
Привет?
Прой!

А под клубом
гармошкой изоранные,
в клубах табачных
шинит «Левенбрей»,
в белой пени
приబом
трехгорное...

Еле в стул вмешивается парень.
Один купак —
четыре кило.
Парень взвинчен,
парень распарен.
Волос вздернутый.
Нос — липов.
Мало парню такому доклада,
Парни —
слово душевное нужно.
Парни
силу выхлестнуть надо.
Парни выходят.
Как в бурю на катере
Тесен фэрверк.
Тело намокло.
Парнем разосланы
к чортовой матери:
бабы,
деревья,
фонарные стекла.
Смотрит —
куму бы заехать в ухо?
Что башка не придумает дурья?
Бомба
из безобразий и ухарств,

дурости
низа
и бескультурья.
Так, сквозь песни о будущем раз,
только сопнице спрячется, канун,
тиунится
и центру огней
от окраин:
драка,
муть
и ругня хулиганов

Надо
в упор им —
рабочи дружины,
надо,
чтоб их
судом обломаво,
в спорт
переплыт
мускулья пружины
надо и надо,
но этого мало...
Суд не скрутит —
набрать имен
и раструбить —
в молве многогласой,
Чтоб на пбу горело клеймо:
«выродок рабочего класса».

А главное — помнить,
что наше тело «
дышил
не только тем, что скучано;
надо —
рабочей культуры дело
делать так,
чтоб не было скучи.

«За 7 дней», 1926.

Воспоминания о Маяковском

образом, по размашистости его движений и немного корявой и тяжелой походки.

Сдержанность, четкость, почти суровость — все это выработалось позднее, когда черная, а затем желтая блузка или, по контрасту с ними, недолго просуществовавшие цилиндр и юбка, застянутый на все пуговицы, были сменины иными внешними стилем: коротко остриженные волосы, фуфайка или простой серый костюм. Но тогда Маяковский еще сохранил стиль «поэта с длинными волосами».

Через две-три недели книжечка «Я!» с рисунками Чекрыгина и мони-ми была отпечатана в количестве, кажется, 300 экземпляров. Маяковский разнес их по магазинам, где они были довольно скоро распроданы.

Книжка имела несомненно некоторый успех, обогатила на себя даже внимание самого «модного» всадника русской речи — Валерия Брюсова. Маяковский быстро завоевывает популярность.

Я помню, как он выступил на чествовании Бальмонта в 1918 г. Своим огромным бархатным голосом он говорил стихи поэта-эста-ета, и эти стихи в его интерпретации звучали куда будильней, чем у самого автора, который тянул что-то, без конца аллитерируя.

Это было в Обществе свободной эстетики. Публика была самая блестящая, и вот, шокируя всех и всех присутствующих, появляется на кафедре поэт-футурист, левый новатор Маяковский. Все смолкли, как будто сбрасывая с силами, чтобы дать должный отпор наглоему высокоче. Но Маяковский читает стихи Бальмонта и читает их прекрасно, гипнотизируя аудиторию.

Это еще только начало. Постепенно стихи перемениваются с речью. Это острая карикатура, это бесподобная издевка. Недовольные движения возгласы. Наконец председатель Валерий Брюсовстанавливает разошедшегося оратора:

— Мы пришли не критиковать Бальmonta, а отметить его литературные заслуги.

Маяковский кончает речь. Шумные аплодисменты одной части аудитории, шиканье и смех другой части.

Лев Жегин.

Рисунок В. МАЯКОВСКОГО из серии «ЖИРАФОВ» (1913 г.). Из альбома В. Ф. ШЕХТЕЛЬ.

замечательной массы учеников в классе выделялись тогда две ярких индивидуальности: это Чекрыгин и Маяковский. Обоих обделяли тогда нечто вроде дружбы. Во всяком случае, Маяковский относился к Чекрыгину довольно трогательно, иногда как старший, добродушно прощая ему всяческую «злодерию» и не случайно попавшей ему под руку или даже целие альбомы для рисования.

Маяковский не стеснялся и вырывал из рук кустарей-одиночек и налево на концептуальные и рекламные стихи.

СЕМЕН КИРСАНОВ

О ВЛАДИМИРЕ МАЯКОВСКОМ

Он был спокоен и бездомен. У него были песни, которыми он помнил, хотя пел редко и редко говорил:

У коровы есть гнездо,
У верблюда — дети,
А у меня никого,
Никого на свете.

Он много ездил, а это скучно. Он привык мерить расстояния в метрах на сиденье.

Мы сидели нас было человек двадцать в группе. Блок говорил тихо. Слова я его приложу не дословно, потому что прошло лет пятнадцать. Смысла слов таков:

«Вот мы писали, мы были поэтами, но ведь мы не были гениями. Теперь пишете вы, вы лучше нас».

Я не помню тут фразы, но смысл передал тоично: «Вы писали отменные, а это понимаю, но радоваться я не могу».

Блок всегда говорил тихо, не повышенная и не понижена голоса. Так он читал стихи.

Мы сидели на лавке, а это скучно. Блок был первый или второй год революции. Разговаривал Маяковский с Блоком.

Блок всегда говорил тихо, это по-высшая и не понижена голоса. Так он читал стихи.

Мы сидели на лавке, а это скучно. Блок был первый или второй год революции. Разговаривал Маяковский с Блоком.

Блок говорил о декларативной отмене, а о замене качества.

Помню другой разговор Блока, который на улице, тоже о Маяковском. Шел разговор о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф». Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф». Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говорил о «Мистерии буфф».

Он хвалил Маяковского, а потом говор

ПРИВЕТ ГЕРОЯМ — ЗАВОЕВАТЕЛЯМ АРКТИКИ!

страницы эпопеи

Год тому назад весь мир был потрясен величественной эпопеей жизни челябинцев.

Это были дни, когда со льдинами, затерявшиеся в Ледовитом океане, перед всем человечеством встал образ новой человечности, новой морали, рожденной Октябрьем. В ледовом лагере Шмидта, этом изумительном советском «поселке», возникшем по прихоти арктической, суповой стихии, восторжествовала подлинная коллективная взаимопомощь отродьем социализма, побудившая организующую волю партии Ленина—Сталина, проявившую во всей своей силе любовь к советской родине и ответственность передней.

Это были дни, когда сердца миллионов трудящихся бились тревогой и надеждой, когда на пространстве всей нашей необитаемой страны — от чукотской ярости до узбекского кишлака — люди ложились спать и вставали с мыслью: челябинцы. Не останавливаясь перед трудностями и опасностями, Советская страна, под руководством великого Сталина, двинулась на выручку своим сыновам, потерпевшим бедствие в борьбе с стихийными силами природы. Это были незабываемые дни, когда социалистический общественный порядок еще раз доказывал миру свою превосходство перед прогнившим, этонистским, вольным стилем капиталистической частной собственности.

Прошел год. Советская страна вписала новые победные страницы в историю народов. Почетными наградами революции увенчал Советский союз героям своей металлургии, золотопромышленности, боевым летцом Первой конной. Миру были явлены новые образы герояизма в головокружительных приключениях советских парашютистов, в подводных полевых Эпионах в зорях машинистов, останавливавших поезд на волос от крушения. Сколько больших и малых дел социалистической страны, сколько примеров трудового энтузиазма прошло на наших глазах за этот год.

Но, не тускнея, стоит в памяти челябинской эпопеи, как самы ярки, самый концентрированный образ герояизмы нашей советской эпохи.

«Правда» пишет: «Челябинская эпопея так же привлекательна. Она стала легендой о подвигах, о героязме, о преданности родине. От нее тянутся золотые нити к нашей молодежи и к тем величинам и малым делам, в которых проявляется молодежь и все покоряющий дух социализма».

Челябинская эпопея — одна из самых блестящих, самых монументальных тем для нашего искусства, для нашей художественной литературы в частности. Героические дни челябинцев и их спасителей нашли свое первое литературное воплощение в прекрасной книге, созданной коллектиком «Правды». В близящее время со сцены Камерного театра будет показана пьеса челябинца Семёнова. «Молодая гвардия» начала выпускать серию

биографий летчиков — героев Советского союза и комсомольцев — жителей ледового лагеря.

Разумеется,

тема челябинской эпопеи не может быть этим исчерпана. Литературный памятник этим волнующим страницам должен и еще будет создаваться. В том же номере «Правды» мы читаем:

«Пусть годовщина спасения челябинцев станет еще одним стимулом для воспитания нового поколения героев, бесстрашных и инициативных людей, готовых на все во имя роста мощи и силы своей родины, во имя организации счастливой жизни для трудящихся страны социализма».

Эти слова — сигнал и нашей литературы. Тема челябинцев, со всем многообразием общественно-политических, бытовых и психологических проблем, в ней заключенных, требует дальнейшей разработки. Она должна и может быть увлечена с детьми нашего советского сегодня, ибо на минуту она ослабевает величие половины трудового героизма в нашей стране. В нашей стране сознательная коллективная дисциплина в труде, настойчивость и воля к победе, преданность партии Ленина—Сталина, любовь к социалистической родине — это основные черты нового человека, новых человеческих отношений. Вот почему героям челябинской эпопеи может служить неизменяемый источником для самых разнообразных творческих замыслов наших писателей.

Насколько богат, ярок, неповторим материальный историй челябинцев, даваемый героями Советской Союзской эпопеи, можно судить также по выпущенным отдельным изданиям книжечкам в «Молодой гвардии», написанных руками самих героев полярной эпопеи.

Каманин, Лапидевский, Александр Погорев — «Начальник аэропорта 173° в.м., долготы и 68° сев. широты». Комсомольцы, люди, которые «старше революции на 8—9 лет». Дети сапожников, ткачей, деревенские батраки. В этих биографических оттешках проступают черты нового человека социалистической эпохи.

Таково это изумительное сочетание молодой жизнерадостности с серьезностью и суровым мужеством. Это — поколение нашей эпохи, которое, возможно, Лапидевскому, подросткам внимательно вглядывалось, как творили суд и расправу белые генералы над украинскими городами и дощечками станциими. Это поколение нашей великой эпохи, которое, возможно, Ильинскому, подросткам внимательно вглядывалось, как творили суд и расправу белые генералы над украинскими городами и дощечками станциими. Это поколение

всех условий, в которых работают техников, в которых работают

наших полиграфиков.

Скромность, ясное и простое сознание долга. «У меня еще нет биографии», — пишет Каманин, — «она только начинается. Моя жизнь может уложиться в маленький альбом».

Как будто недавно воздушного птицем ледяного океана в море и пурпуре — не равны самой большой и боязливой эпохи жизни!

Лапидевский говорит: «Оторванный от всех, я думал, что с полетами никто не имеет понятия, знает только о правительственные коммюнико. Я не представлял себе, что вся советская общественность слушает за мной, что спасательные работы пришли таким разом. Я получил миллионы о великих герояхских делах следующими словами:

«Я — не писатель. Я моторист-механик».

Когда перелистываешь страницы этих скромных книжек, хочется сказать, хорошо изданых и со вкусом оформленных, становятся ясными, что в них движение истории, кристаллизация социалистического человека. Здесь в малом дано большое. В форме, которая не может считаться, да и не претендует быть высокодраматичной, даны, в сущности, ценные и замечательные для мастеров художественного слова.

А. ЧЕРНЯВСКАЯ

формальных изысков. За последние годы Асеев достиг большой простоты (и этим он может быть обязан своей газетной работе). Славянская и насыщая себя, Асеев совершает большую ошибку. Широкий читатель требует большой, разнообразной, многоголосой лирики. Работа над «Смертью Оксмана» может явиться для него выходом на широкую дорогу такой лирики.

Ближайший соратник и единомышленник Асеева, Кирсанов, один из героям индушистами его подчиненных стихов, но в смысле определенных стихов, в том числе в смысле определенных словах.

В

тяжелых условиях далекой Чукотки человек делал неповторимое геройское дело, отдавая ему все силы своей настойчивости и предпримчивости. И его глаза расширились от удивления, когда он услышал гор голосов всей советской земли.

Из относившихся непосредственно к челябинской эпопеи работ большого интереса представляет серия портретов

Год Семнадцатый грянул жареном

Паречки подземной галлерепы,

Туски облекающие в пильную

Кости беспаспортного варева.

Охотничьи, куницы-тузы,

Фреймы шифрованные тазы,

Берцовьи кости слуг и холебов,

Трех Александров и двух Николов.

Хорним годом был прошлый год для Михаила Головного. Его книга «Слово пристрастных» с ярко выраженным в ее стихах о гражданской войне «Берка Вольного», «Судьбы Горба» и др. была значительным литературным событием. И совсем недавно вышла вторая книга — «Берка Вольного», проявившаяся в честной антигражданской форме, которая, к сожалению, все более и более проявляется в Белизменском. Тут дело не только (и не столько) в претензии на политическую, а скорее на художественную пропаганду. Асеев

и другие «смакисты» поэты, Кирсанов

и другие «смакисты

“КРЕСТЬЯНЕ”

Отразить процессы, происходящие в современной колхозной деревне, художественными средствами звукового кино, показать решающее значение партийной организации в очищении колхозов от классово-враждебных элементов и их организационно-хозяйственном укреплении, мобилизовать революционную бдительность и воодушевить массы на борьбу за полную ликвидацию пережитков капитализма в экономике и сознании, за лучшую заинтересованную и культурную жизнь на социалистических начальниках — такова задача картины Фр. Эрмлера «Крестьяне». Фр. Эрмлер и коллектива артистов в основном сприятили с сердечной заинтересованностью свою картину еще одну склонную страну в акции пленэральной одновременной фабрики «Ленфильм» и всего советского киноискусства.

Известна одна особенность юношеской «Поднятой целины». Шоумен в «Поднятой целине» отказался от обычного приема советских писателей — подводить к первому коллектилизации на протяжении ряда томов — и прямо начал свою книгу с этого периода. Нельзя не видеть в этом нарушение «канона» художественной зрелости писателя, а вместе с тем и сознания им большого политического и художественного нутра, в котором обретается, что враг сумел устыдить вашу бдительность.

Яркий и четкий рисунок, сконцентрированный на мотивах событий, идеальная содержательность их — таковы особенности художественной кисти Эрмлера.

На картипе благоустроенный колхозный склонный двор. Молодая скотница Варвара спит. Разбудженная поцелуем своего мужа Герасима, на его вопрос: «Ну как, жена?», она отвечает: «Ничего, товарищ животновод, поросится». Вы чувствуете: Варвара — наша, это ударица колхозной стропки. Это впечатление усиливается, когда вдруг появляющийся Егорка заявляет, что «там половину прорвать хотят». Король нехватки. Решивши на сторону отдать. Горячая Варвара быстро срывает с места. Бросает на ходу: «У, гады, про��и...» И бежит «туда», вправление.

Первое впечатление о Герасиме: это тоже наш. Это впечатление из-

оставляет, а еще больше усиливается во второй картине, после того, как мы услышали речь Варвары и Герасима. Вы берете его словам: «Это они» (партия в советской власти) приказали для папера стать синий звезды. Мы, животноводы, как ударники, в этой забоченности подсматриваем, как приговоренные, склонные глаза засматриваются. Вы не замечаете, что Герасим особое ударение делает на том, что приходится «племянную скотину, нашим хлебом, нашим горюм выращенную, в чужие руки отдавать...». Вы готовы в следующей картине принять олигарх — но и только — слова Герасима: «сумник, он музыкан и останется». «Невинные пострадают» (когда предает нач. политотдела Николая Мироновича). И только когда вы присутствуете на тайном съезде Герасима с его матерью, женой лигнистомированной и сосланной кудака, матерью расстрелянного за «Планку селькора»: брат Герасима, защищавшийся от злобы и ненависти к советской власти и партии, только тогда, когда Герасим обнажает перед своей почитаемой родителями свою контрреволюционную натуру, вы убеждаетесь, что враг сумел устыдить вашу бдительность.

Теперь вы знаете, в чем дело, теперь вы связываете все «общомыслие» Герасима в единую линию. Теневые волны, как тонко плетет разбитый и обреченный классовый враг сеть своего влияния на отсталую часть колхозников. Остаётся ли Герасим разоблаченным и будет ли он продолжать свою подрывную вредительскую работу, обманывая массы колхозников, подчиняя своему влиянию жены Варвару и других колхозников, или он будет разоблачен начальником политотдела Николаем Мироновичем, и наполитотдел сумеет ликидировать последствия вредительской «работы» Герасима, суметь покончить с колхозной жизнью, или тем сбрасывать колхозное стадо. Попытка Герасима помешать исполнению этого решения терпит крушение.

Герасим систематически обманывает жену. Он душит ее подозрения об измене и ненадежности, он использует неизвестно, то ли наставляемый Егорком Петухом, проводит решение — выкорчевывать кустарники, засеять свободнодействующими пшеницей под коры и тем сбрасывать колхозное стадо. Попытка Герасима помешать исполнению этого решения терпит крушение.

Когда один из начальников политотдела Николай Миронович срывает предательское дело. Он берет в работу шпиону предположка, мобилизует партийцев, вызывает колхозный актив и, опираясь на деда Анисима, Калюкова, комсомольца Петуха, проводит решение — выкорчевывать кустарники, засеять свободнодействующими пшеницей под коры и тем сбрасывать колхозное стадо. Попытка Герасима помешать исполнению этого решения терпит крушение.

Герасим пытается посеять подозрения среди колхозников против Николая Мироновича, но и это дело срывает. Речь начальника политотдела угроба Варвары производит пристрастие впечатления на колхозников. Колхозники подают за колхозное дело до конца, колхозники — с советской властью, с партией. Николай Миронович побежден. Тогда Герасим пытается убрать начальника политотдела. Егор еще раз поддается на удачу классового врага, нападает на Николая Мироновича и ранит его.

Разоблачение Герасима построено насквозь искусственно. Однако, дело все же не в том, что большой Николай Миронович с целью искоренения Герасима приглашает последнего разобраться с его одночеством.

Непосредственным орудием разоблачения является Егор. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.

В условиях, когда вся масса колхозников повинуется советской колхозной революционной бдительности, когда покушение на жизнь разоблачения является Егором. Но и

и весь ход действия ведет к изоляции Герасима, к усилению недоверия к нему со стороны колхозников.

Герасим должен быть разоблачен, должен быть ликидирован, так как разоблачен и ликидирован долго подготовившийся им подрыв колхозников.